

B. Гудонене
(*Vilnius pedagogical university, Vilnius, Lithuania*)

ПОЭТИКА НОЧИ В «ВЕЧЕРНИХ ОГНЯХ» А. ФЕТА

В середине восьмидесятых Т.Л. Сухотина-Толстая, увидев, как Фет расплакался от умиления красотой, была поражена его способностью так чувствовать и в зрелом возрасте. Она с восторгом заключает: «Старости в том нет; кто любил прекрасное, кто вдохновлялся, умилялся, тот так же будет вдохновляться и плакать перед красотой, когда ему будет и сто лет» ([6]; 177).

Уже современники почувствовали исключительность фетовского дарования. Для А.В. Дружинина это поэт, обладающий зоркостью взгляда и «разгадывающий поэзию в предметах самых обыкновенных». Ему вторит В.П. Боткин, который видит в Фете поэта «с невозмутимою ясностью во взоре, с незлобивою думою младенца», прошедшего чудом между враждующими страстями и убеждениями и сохранившего светлый взгляд на жизнь и «чувство вечной красоты» ([3]; 210), а позднее Ю. Айхенвальд напишет: «Если на свете есть только дух и красота, то понятно, отчего Фет не боится смерти и отчего старость не осилила его: разве существует старость для Венеры Милосской?» ([1]; 172).

Известно, что Фет, «умевший быть старым», но «молившийся юности», творил чаще всего ночью. Ночной покой дарит ему и вдохновение, и «сквозьсонный бред». В этой удивительной тишине мира рождаются слова молитвы, заклинания, элегии, думы. «Соглядатай природы» в вечерние,очные и в предутренние часы становится ясновидцем, а мир сновидений и грез привносит в душу поэта целое царство «призраков и теней», «тревожно-несвязанных дум», смутных ощущений,очных благовоний. При этом амплитуда эстетического зрения расширяется, хотя колебания, дуновения, веяния, мерцания, скольжения всегда сохраняют некоторую неясность, текучесть, неочерченность, не всегда сливаются в четкие образы, картины, чувства. Фетовская импрессионистичность письма схватывает как бы сквозь дымку мгновенные состояния, непосредственные переживания бытия.

Ночные часы — это и поэтическое вдохновение, и опыт тотального одиночества. Обычно «цвета бессоницы — холодные: голубой, серый (по Юнгу, это цвета ночи, луны, тьмы — подвала души, бессознательного) или напряженно-контрастные: белый — черный. У Вячеслава

Иванова: ночь — простыня — ангел — рассвет. У Бродского: «ночь, одержимая белизной кожи...» ([4]; 27).

Какой предстает картина ночи у Фета? В стихах первой половины творчества, в сборниках 1850, 1856 годов читаем:

...Соловьиное эхо
Несется с блестящей реки,
Трава при луне в бриллиантах,
На тмины горят святляки.

* * *

Редко, редко кочевая
Тучка бросит тень...
Неподвижная, немая,
Ночь светла, как день.

* * *

Здравствуй! Тысячу раз мой привет тебе, ночь!
Опять и опять я люблю тебя,
Тихая, теплая,
Серебром окаймленная!

* * *

Что за ночь! Прозрачный воздух скован;
Над землей клубится аромат.
О, теперь я счастлив, я взволнован,
О, теперь я высказатьсь рад!

Ночь — это пространство, полное любви и страсти, она «весенний негой дышит», «за песнью соловьиной / Разносится тревога и любовь», а краски доминируют светлые, блестящие, серебристые, лунные. Композиция лирических этюдов Фета чаще всего двухчастная: ночной пейзаж и ожидание, предчувствие Ее. В фетовской картине мира Она никогда не материализуется, не персонифицируется, ее образ собирателен: Она возникает в «тоске по заветному имени» то «сестрой цветов, подругой роз», то неземным призраком, то мечтательной феей; порой Она узнаваема лишь по запаху: «Целую голоса душистые и плечи» или рефреном звучат строки в стихотворении «Фантазия»: «Твой душистый, твой послужный локон, / Развиваясь, падает на плечи».

И конечно, самое «тихое» стихотворение «Шепот, робкое дыханье...» добавляет к образу любимой и «ряд волшебных изменений милого лица». Импрессионистичность ее облика, как и фрагментарная телесность в творчестве молодого Фета объясняется не только «ночной поэзией»,

но и тем, что ее облик всплывает в самых разных топосах. Это чаще всего пространственная горизонталь: ночной сад, берег моря, озера, блестящий Майн, древняя Москва, солнный Рим, Венеция и т.д., — всплывает в мечтах, фантазиях, предчувствиях, в сновидениях и грезах. Как и в поэтической традиции Жуковского, Тютчева переживания ночи обещают не только мир счастья, любви, возможность полета в бездну, но и мучительные думы, страдание, боль. Не случайно, обращаясь к Музе, поэт просит:

*Пошли, небесная, ночам моим бессонным
Еще блаженных снов, и славы, и любви
И нежным именем, едва произнесенным,
Мой труд задумчивый опять благослови.*

(«Музе», 1857)

Было бы неверным ограничивать лирику Фета поэтизацией ночных пейзажа и тоской по любимой. Нередко поэт из микрокосмоса уходит в макрокосмос, из физического времени — в метафизическое, вечное.

В стихотворении «На стоге сена ночью южной...» поэт постигает высочайшее благо: «как первый житель рая / Один в лицо увидел ночь». Причем в ночи открывает не только космос, хор светил, но и целую бездну полуночную. Это взгляд со стога сена и взгляд из космоса («Над этой бездной я повис»); горизонталь и вертикаль встречаются, проделан огромный путь от земного созерцания «земного бытия» к пульсации вечности, к растворению в ней, в полную отрешенность.

Какой же представала ночь в «Вечерних огнях»? Что стало с красотой и «пылом безумной страсти»?

Заметим, что первый сборник «Вечерних огней» вышел в 1883 г., когда поэту было 63 года. Последний, прижизненный, четвертый — в 1891 г. К этому времени «выстрадана» стародворянская фамилия, постигнут Шопенгауэр, переведен главный труд «Мир как воля и представление». И всем стало ясно, что, проявив огромное мужество и невероятную трудоспособность, поэт «сознал в себе «человека гения» и «человека позывы». «Фета» и «Шенишина», развел их и поставил в популярные отношения» ([5]; 122).

Орловско-курско-воронежский дворянин, камергер его императорского величества с конца 70-х годов XIX века снова пишет стихи, по определению его друга Я. Полонского, «возвышенно-идеальные», «юношественно-благоговейные». Среди них более сорока текстов можно отнести к «ночной поэзии», начиная с шедевра «Сияла ночь. Луной был полон сад...» и кончая стихотворением «Тяжело в ночной

тиши...», написанным за несколько месяцев до смерти. Первое, что видится: меньше стало «благовонных» летних, встречаются все больше осенне-зимние и еще больше текстов, где признаки календарного времени почти исчезают, а с ним и приметы земного пейзажа, тем самым высвобождается место звездному космосу, лунному сиянию, «смертьной истоме», «тайном бездны».

Далее обращает внимание то, что в фетовской ночной картине мира удивительное богатство элементов семантического поля свет — огонь — горение — сияние и примыкающих к ним луч, зеркало, звезды и месяц. В ночном пейзаже звезды и месяц (луч) — источники света, они отражаются и в «ночном зеркале морей», и сверкании росы на травах, и в тонущей в лунном свете гостиной, и в «лазурной пустыне».

Ночи без лунного света, алмазных лучей и звезды тоже присутствуют в ночном хронотопе Фета (*«Истремились сосен мохнатые ветви от бури, ... Тяжело в ночной тиши...»*).

Состояние лирического Я, когда «ни огня на земле, ни звезды в оводившей лазури», дисгармонично, преисполнено тоской, а холод в постели и «грубо-насмешливо» отмеряющий время «шопенгаузерский» маятник еще больше усиливают одиночество, при этом миг появления феи кажется ма-ловероятным (*«Истремились сосен мохнатые ветви...»*).

В ночах «благовонных», «благодатных» свет, горение не только природное явление, этим уже метафорическим светом преисполнены и молитвы, горящие безмолвно, и огненные слезы, в таких случаях все горит и звенят заодно. Наличие света — огня — горения предполагает контраст, обычно используемый в живописи. У Фета, как, к примеру, в полотнах мастера света и тени Куинджи, свет в ночи, свет-излучение предполагает и тень, и тьму, которые также принадлежат пространству: *«Длинные тени потонули в ложбине»*, *«тени непроглядных ветвей»*, *«ночная темнота»*, *«ночь черная»*, *«темная земля»*. Нетрудно заметить, что из реальной пространственно-временной ситуации лирическое Я постоянно переключается то в план воспоминаний, то в запредельные метафизические миры, тогда тени кажутся «неверными», молчание обретает цвет (*«темное молчание»*), а ночная тишина становится спутником «тоски души». Тень в метафизике Фета наполняется и символическим смыслом. Это душа или второе Я, связываемое с душами умерших, но тут скорее личностная часть души, которую интуитивно в себе подавляют.

Существует в поздней лирике Фета и антиномия дня и ночи. Как и в молодости, предпочтение отдается ночи: все дышит «весенней негой», ночью «каждое чувство... понятней», вольнее дышится, краски

ярче, много счастливых, гармоничных, дивных мгновений. В «Вечерних огнях» меньше соловьиного пения, нет травы в бриллиантах, воспоминания о *Ней* в суетной дневной жизни вообще невозможны, лишь ночь приносит тихую отраду:

*Забыто все, что угнетало днем;
И, полные слезами умиления,
Мы об руку, блаженные, идем,
И тени нет тяжелого сомнения.*

(«Встает мой день,
как труженик убогой...»)

В стихотворении «**Тяжело в ночной тиши...**» лишь на первый взгляд кажется, что днем приятней наблюдать «житейские волны», однако муза молчит. К примеру, у молодого Тютчева, день — это «воплощение светлого, гармонического начала мироздания, как космоса», ночь — начало темное, деструктивное (см.: ([8]: 41)). Поэтому человек Тютчева, растворяясь в ночном пространстве, испытывает ужас, страх, мистическую тайну («Ночь хмурая, как зверь стоющий, / Глядит из каждого куста!»). Ночь Тютчева «обнажает безду», которая не разгадана. Апология дневного мира сохраняется и в зрелом творчестве Тютчева, хотя бинарность дня и ночи стирается, а «память хранит мифологическое прошлое, побуждающее видеть в ночи нечто запредельное, некую выходящую за границы видения и понимания глубину» ([8]: 64).

Для Тютчева ночь — время познания, время погружения в себя и мироздание. Ночь осмысливается гносеологически.

Ночной космос Фета отличается разительно, ибо ночь для него прежде всего явление эстетическое. Ночь — это особая природная красота, которая пронизывает все его миросозерцание, поэтому она не страшит, хотя и открывает космические безды. Дневной мир иллюзорен, суетен, обременен, поэтому только в ночи поэт испытывает родство со Вселенной, может погружаться в космическую безду, его не пугают масштабы непознанного («как океан разверзлись облака»). Он может уподобиться шестикрылому ангелу и свободно лететь к нетленным звездам:

*Мой дух, о ночь! как падший серафим,
Признал родство с нетленной жизнью звездной.
И, окрытен дыханием твоим,
Готов лететь на этой тайной бездной.*

(«Как нежишь ты, серебряная ночь...»)

Звезды в ночной поэзии Фета занимают ключевую позицию. То лирическое Я созерцает «миллионы звезд», то любуется одной, то ждет появления первой звезды, то восторгается «призраками звезд», то печалится, что «ни звезды в одновечной лазури».

Порой устанавливается контакт с одной звездой, она мерцает алмазными лучами, «теплится нетленно», в ней воплощены «любовь, участие, забота», но все же эта космическая связь особенно сильна, когда он находится в ее саду, у ее пруда. Земное опосредованное присутствие любимой поэт ощущает всегда («С какою негою желания...», «Ночь лазурная смотрит на склоненный луг...», «Благовонная ночь, благодатная ночь...»), отсюда и утонченность мировосприятия, изысканность мысли и чувства.

Ночь Фета окрашена не только сильной субъективной лирической эмоцией, но и наполнена объективными звуками, запахами. Зрительный, слуховой, обонятельный план едины и естественно сливаются в земную картину ночи, в которой всегда доминирует ощущение красоты.

Так, в цикле «Мелодии», в одном из самых музыкальных стихотворений Фета «Сияла ночь. Луной был полон сад...», многократно положенном на музыку, в море лунного света дрожат струны рояля, дрожат распахнутые сердца людей; пение, слезы и любовь заполняет все пространство гостиной. Вторая часть стихотворения, отделенная годами «скучи», снова наполняется музыкой, но теперь уже музыкой воспоминаний. Зрительно-слуховые ассоциации естественно сливаются с потоком внутренних желаний лирического Я — «любить, обнять и плакать над тобой?» Это и есть, по Д.Д. Благому, «фетовская вселенная красоты», солнцем которой является разлитая во всем, скрытая для обычного глаза, но чутко воспринимаемая «шестым чувством поэта, гармоническая сущность мира — «музыка» ([2]: 594). В фетовской музыке слиты воедино блеск и сияние мироздания, пение женщины и рыдание осенней ночи, благовонные, отрывистые речи и говорящая тишина, плеск ключа и шепот струн, воркованье струн гитары и лепет фонтана, биение сердца и плеск жителейских волн. Эта слияньность — свидетельство того, что поэт и природа — равновеликие творцы.

Этой музыке слияньности сопричастны изящество, напевность самой мелодики ритмико-интонационного строя, классические четверостишия с парной или перекрестной рифмой, отсутствие переносов и естественное совпадение поэтической строки с межстиховой паузой, с законченной фразой.

В «Вечерних огнях» меньше обонятельных, тактильных ощущений, скуднее набор «благовоний ночных». И лишь в одном из последних летних стихотворений «Ночь лазурная смотрит на скошенный луг...» весь пространственный континиум снова заполняют запахи луга, сена, роз, сада, травы, цветов.

*Ночь лазурная смотрит на скошенный луг,
Запах роз над балконом и сена вокруг;
Но, за то ль, что отрады не жду впереди,
Благодарности нет в истомленной груди!*

*Все далекий, давнишний мне чудится сад:
Там и звезды крупней, и сильней аромат,
И ночных благовоний живая волна
Там доходит до сердца, — истомы полна.*

*Точно в нежном дыханье травы и цветов
С ароматом знакомым доносится зов.
И как будто вот-вот кто-то милый опять
О восторге свиданья готов прошептать.*

(Воробьевка, 12 июня 1892 г.)

В фетовской картине мира, построенной на антитезе настоящего – прошлого, близкого – далекого, пространственные границы очерчены садом теперешним и «давнишним». Лирическое Я, истомленное и измученное недугом, отраду находит в милом прошлом; при этом все сенсорные ощущения сгущаются, снимая дисгармонию в настоящем, высвобождая Я из пленя реального бытия.

В ночной поэзии «Вечерних огней» есть стихи, в которых нет даже опосредованного присутствия любимой («Угасшим звездам», «Фонтан»). Тогда человек Фета, погруженный в «храмину ночи», устремляется в глубины мироздания, к звездам, живым и погасшим. Невольно возникает параллелизм судеб: красота звезд вечна, как и поэзия. Поэт готов

*Tak и по смерти лететь к вам стихами.
К призракам звезд буду призраком вздоха.*

В стихотворении «Фонтан» устанавливается тождество внешнего и внутреннего («ночь и я, мы оба дышим»), но дальнейшее движение лирического сюжета направлено на осмысление внутреннего Я, на постижение смысла жизни.

Я, — и кровь, и мысль, и тело, —
 Мы послушные рабы:
 До известного предела
 Все возносимся мы смело
 Под давлением судьбы.

Но нет в «Вечерних огнях» Фета того, чем жил требовательный идеолог среднего дворянства Шеншин. За десять лет Степановка превращена в образцовое доходное имение («прелестную табакерочку»), возрождено запущенное имение Воробьевка, конный завод, пруды, сады, дороги. Словом, «солдат, коннозаводчик, поэт и переводчик», или, по справедливому утверждению А. Тархова, Фет-лирик и Фет-хозяйственник единды. Хотя в фетоведении еще немало ярлычков «крепостник, реакционер», поэт с «далеко не привлекательной биографией», нам видится, что «крепостник», заботящийся о вольнонаемном труде, о сытости мужика, хотелый вокруг себя, по его воспоминаниям «на малом пространстве сделать что-нибудь действительно дельное», заслуживает в наше время уже другой оценки. В поздней фетовской «вселенной красоты» есть единый эстетический критерий: красота жизни, труда, красота любви, природы, слова. Хозяйственная и творческая жизнь поэта — это единый пласт дворянской культуры. В малом локусе его усадеб гармонично обрела место и ночная поэзия Фета.

Мы хорошо помним притчу Достоевского о «лиссабонском» землетрясении. Ему дано было предугадать, что красота природы, любви, искусства, как и красота фетовского слова, бессознательно схватывающая непосредственные переживания бытия, будет востребована через столетия.

Литература

1. Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. Т. 1. — М., 1998.
2. Благой Д. Д. Мир как красота (О «Вечерних огнях» А. Фета) // Фет А. А. Вечерние огни. Литературные памятники. — 2-е изд. — М., 1981. (Все тексты Фета цитируются по этому изданию.)
3. Боткин В. П. Литературная критика. Публицистика. Письма. — М., 1984.
4. Кириленко Е. И. Феноменология бессонницы // Человек. — 2005. — № 2.
5. Скатов Н. Н. Лирика Афанасия Фета (Истоки, метод, эволюция) // Далекое и близкое. — М., 1981.

6. Сухотина-Толстая Т. Л. Воспоминания. — М., 1980.
7. Тархов А. Проза Фета — Шеншина // http://az.lib.ru/f/fet_a/text_0180.shtml
8. Федоров Ф. П. Ночь в лирике Тютчева // Славянские чтения. I — Даугавпилс; Резекне, 2000.
9. Фет Афанасий. Воспоминания. — М., 1983.

Poetics of Night in «Evening Lights» by A. Fet

The article deals with the nocturnal image of the world in the late poetry by A. Fet. A. Fet's image of the night is characterised not only by high lyrical emotions, but at the same time it is filled with both sounds and scents. The poet moves from microcosmos to macrocosmos. Moreover, physical and eternal time coexists. The past always exists in the present. It is always related to memories of the beloved. Lyrical Me suffering from indisposition finds comfort only in the benign past. All sensory feelings are condensed (poetized) taking away disharmony in the present and making lyrical Me free from being captured in reality! In the late "beauty of universe", created by A. Fet, it seems like there is no place for an exemplary farmer, owner and landlord Shenshin. However, there is one generalised aesthetic point of view on the beauty of the world.